

Борис Гребенщиков — один из немногих рок-музыкантов, которых безоговорочно можно назвать интеллектуалами. Ему нетрудно поддержать разговор на любую тему, и он умеет сосредоточиваться на том, что важно по-настоящему. Не только для него — для всех нас.

носит наша система воспитания. Это не значит противопоставлять себя и своего ребенка окружающей жизни, это значит объяснять ему ее. В жизни нет ничего плохого, просто вокруг очень много больных людей. Ведь невоспитанность, отсутствие культуры — это своего рода болезнь, как хронический недостаток витаминов.

Сам я не очень хороший воспитатель, я не всегда располагаю для этого временем. Я знаю только, что это — единственный выход. По логике вещей, через двадцать лет дети вырастут, они будут молодежь, и уже про них можно будет говорить: «У них отсутствует культура». Так что же — жаловаться на новое поколение? Нужно было воспитывать. Это предупреждение всем, у кого есть дети, — не жалуйтесь потом, не перекладывайте вину на кого-то другого. Сейчас нужно спасать детей, начиная с яслей, детских садов, школ. Вычищать эти конюшни. Кто у нас работает воспитателями, учителями? На 70—80 процентов это люди, которым на детей наплевать: если целью воспитателя детского сада является прописка, то о чем мы говорим?

— Есть еще один способ оградить детей от ужасающей действительности — эмиграция...

— Нет, это не выход. Дети потеряют Родину. И дело не в возрасте, когда это произойдет. Страшно. Генотип российской культуры, русского

языка так или иначе заложен в наших генах. И подменить его даже в нулевом возрасте невозможно.

— А если отказаться от «своей» культуры, заменить ее на иную?

— Можно попытаться, но это и будет отказ и замена, это будет настоящим.

— Значит, действительно «Родину нельзя унести на подошвах сапог»?

— Это невозможно, поверьте мне, это невозможно. Я видел там, в Америке, прелестнейших, образованнейших, интеллигентнейших людей. Они потомки старой эмиграции. Но все равно это русские, которые живут в России, и это написано на их лицах большими буквами. Это не трагичное, не печальное зрелище, но этим замечательным людям место было бы здесь, а не там.

— Одна из возможностей обретения духовности мне видится в возрождении церковных традиций. На мой взгляд, это серьезный вывод, к которому логически пришла страна в ходе своего падения и безумной трансформации.

— Меня немножко смущает то, как вы говорите, и особенно то, как по этому поводу вообще принято говорить. Как все подряд пишут: теперь мы стали другими, теперь мы многое понимаем. Кто — мы? Если человек становится другим от того, какой заголовок сегодня в газете, то он не человек, а тряпка, и даже не тряпка, это слово слишком мягко, а негодяй. А как же иначе, если он меняет свои убеждения, свой эмоциональный и духовный багаж в соответствии с сиюминутным курсом?

Вот поэтому страна ни к какой духовности не приходит. Духовность бы-

ла, есть и будет. А то, о чем мы говорим, очень страшно. Мы не можем прийти к духовности. Духовность есть и церковь есть. Никто не волен прийти к ней или уйти от нее. Конечно, человек имеет право выбора, но это не вина церкви, что мы много десятилетий бегали мимо нее с закрытыми глазами. Маленькими были, боялись решения комсомольской организации. Но те, кто не боялся, — никогда не боялись, а тот, кто боялся, будет бояться всю жизнь. Это будет продолжаться до тех пор, пока не вырастет новое поколение, не знающее, что такое страх. Если, конечно, мы его вырастим.

— Несмотря на горечь, прогноз очень оптимистичный. А ведь для этого потребуются не одно-два поколения. Цинизм по отношению к жизни не так легко искореняется.

— Но надо стараться. Знаете, всегда и везде есть люди с какими-то незбылемыми понятиями о чести и достоинстве, которые в этих правилах воспитывают своих детей. А если ребенок так воспитан, его уже не сломаешь. Если человек честен — то он честен, если с достоинством, то с достоинством, если интеллигентный, то его интеллигентность всегда при нем.

— Значит, один из путей сохранения культуры вы видите в воспитании соответствующего молодого поколения. А еще?

— Может быть, на этот вопрос лучше ответили бы ученые, искусствоведы, скорее всего — священники. У меня же другое назначение и дело в жизни: я занимаюсь непосредственно музыкой, живописью, чем-то еще. Я этим занимаюсь. А отвечать на вопросы — не мое дело. Вообще я, по идее, должен был бы быть немь.

— Борис, вы — ленинградец. Не кажется ли вам, что Ленинград гибнет?

— Пока я не вижу, чтобы он гиб. Я, правда, не знаю, что с ним такое происходит, но трагического ощущения гибели города у меня нет. Конечно, Ленинград — многострадальный город. Но, я думаю, у каждого города своя судьба, и не всегда она в руках людей. Естественно, его надо стараться восстановить и держать в относительно приличном состоянии. Я надеюсь, что, когда мы сумеем в первую очередь хотя бы немного позаботиться о людях, чтобы они тоже не гибли, мы сможем заняться и городом.

Я в этом вопросе довольно компетентен, так как являюсь членом «Общества почитателей Невского проспекта». Его участники как-то стараются спасти Невский, привести его в нормальное состояние. Это обычная работа, без пессимизма и оптимизма по поводу ее успехов. Общество занимается сбором денег и распределением фондов по конкретным работам, не дающим Невскому проспекту превратиться в помойку.

— Борис, это, кажется, невежливо с моей стороны — до сих пор не спросить и не настаивать на ответе о ваших творческих планах?

— Нет. Я вам очень признателен. Потому что я не волен в своих делах. Я делаю то, что, наверное, нужно сделать, то, что я слышу. Что сделалось — то и сделалось. Единственный правильный подход к моим творческим планам — не спрашивать о них. Мои творческие планы зависят не от меня. Повторяю: я — приемник. И я принимаю то, на что настроена моя душа.

Беседу вела
Наталья КОЛЕСОВА.

— Тогда вряд ли стоит ее слушать.

— А как вы относитесь к себе как композитору кинематографа? Успешно состоялась премьера фильма С. Соловьева «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви», впервые показали по телевидению «Ассу».

— Вообще никак. Просто, когда мой друг, будь то Сергей Александрович Соловьев или Сережа Деберев, наш ленинградский коллега, говорит мне, что хотел бы иметь какую-то нашу музыку у себя в фильме, для меня это — хороший повод заняться разнообразными вещами. Обычно так просто этим позаниматься некогда (я говорю о «чистой музыке» или каких-либо экспериментах). Вот мы и начинаем, пользуясь дружбой и студийным временем.

Дело еще в том, что у нас звукозаписывающих студий мало, и время звукозаписи все равно на вес золота. Любую возможность записаться мы используем. В первую очередь каждое предложение о работе мы рассматриваем как шанс попасть в студию.

Это проблема острая, потому что количество пробелов в музыкальной культуре, загубленной отсутствием студий, неисчислимо. За последние 20 лет многое потеряно безвозвратно. И плоды такого отношения мы пожинаем и еще долго будем пожинать.

БГ: «Я — ПРИЕМНИК...»

— Но теперь у нас новый министр культуры. Как вы думаете, с приходом Н. Губенко на этот пост что-то изменится?

— Я уверен, что изменится многое. Что же касается наших дел, то министр культуры вовсе не обязан строить новые студии звукозаписи, министр обязан изменить отношение к работе на старой и не запрещать на ней записываться всем, кому это необходимо.

Студия «Мелодия» с удовольствием пошла бы нам навстречу. Но у них все «распланировано» на много лет вперед: из-за некомпетентности большинства работников студия не способна делать какие-либо дела вообще, доводить их до конца и начинать что-то новое. Я имею в виду не звукооператоров, они могут быть вполне на уровне, я говорю об административном аппарате.

— Когда вы говорите, что друг попросил написать музыку или захотел, чтобы в его фильме звучали ваши песни, вы сознательно подстраиваетесь под его задачи, его стиль?

— Творчество всегда неосознанно, и люди, с которыми я работаю, это понимают. Поэтому я с ними и работаю. Я не могу написать песню о главном герое, который идет по улице и, видя матчи электростанции вдали, думает о потерянной любви. У меня это не получится, я знаю. Меня иногда просили — раньше, давно, писать подобные песни. Я честно пытаюсь — для друзей, знакомых, но у меня это не получается. Я могу работать, только если мне даются полная свобода и соответствующие условия для того, чтобы я мог настроиться. И услышать то, что нужно услышать, для того, чтобы что-то сделать.

— Песнями и судьбой ансамбля «Аквариум» не исчерпывается ваша деятельность. Вы участвуете в выставках «мифы», в том числе и последней. Когда вы все успеваете?

— Днем мы репетируем и записываемся, а ночью я пишу картины.

— В десятом номере журнала «Аврора» за 1988 год я прочла вашу повесть-сказку «Иван и Данило», которая произвела на меня удивительное впечатление своим обаянием, юмором. Как вы сами относитесь к этому литературному опыту?

— Мне очень нравится. Чем? Не знаю... Это, грубо говоря, не литературный опыт в чистом виде. Я это слышал, записывал и до сих пор удивляюсь, что это через меня писалось само собой. Так что как свое я это не воспринимаю. Сам процесс трудно описать: я как будто слышу голос в голове и просто записываю.

— То, что вы делаете в последнее время, легко соотносится с вашим новым обликом. Когда я впервые увидела выступление «Аквариума» «живьем», ваш внешний вид гораздо больше походил на теперешний, чем на имидж времен фильма А. Учителя «Рок». Скажите, это естественное проявление вашей природы или здесь все-таки есть доля сознательного конструирования собственного облика?

— Свой облик я, безусловно, не конструирую. Меня просто давно подмывало завести опять бороду, я все ждал, когда будет правильное время. И вот оно летом наступило. Конечно, все изменения, происходящие с моей внешностью, делаются только по внутреннему ощущению. Есть, правда, еще один фактор — соотношение со временем. Иными словами, все изменения происходят только в связи с

тем, что мне диктуют собственные душа и тело.

— Иногда пытаюсь попасть на ваши выступления и вижу огромную толпу, штурмующую стадион, я безрезультатно отгоняю от себя сомнения: ваша ли это публика? Внутренние войска для обеспечения порядка, крепкий мат и запах перегара над безумным скоплением людей — и ради этого вы работаете?

— Довольно сложно диктовать условия отбора аудитории. Как можем мы это делать? Если наши песни задают какую-то часть публики — это уже хорошо, а чем больше, тем лучше.

— Но, по-моему, — я не хочу обидеть ни их, ни ваш ансамбль — ваши песни в этой аудитории не попадают в цель. В лучшем случае они воспринимаются очень поверхностно. И это предел мечтаний?

— Мы не метимся, мы поем. А дело публики — воспринимать и как-то реагировать. Определять, кто будет на концертах, мы не можем. Мы можем либо давать концерты, либо их вообще не давать. Вот и все. То, что у нас нет культуры восприятия, поведения, — это верно, но ведь это касается всех областей нашей жизни.

— Бездуховность, которой больно общество, страшна. Но я убеждена, что со временем будет хуже.

— Если мы не позаботимся, чтобы было лучше, то будет хуже.

— То, что вы делаете, — единственное, что вы можете противопоставить ей?

— Я еще могу воспитывать своих детей. И это может каждый. Задача проста: не позволять им стать безличными «советскими детьми», то есть воспитывать их нормально, стараться справиться с тем вредом, который на-

— Борис, ваше выступление в одном из выпусков передачи «Взгляд» после возвращения из Америки было удивительным. Ваше поведение, реакция на весьма жесткие вопросы ведущих — вы казались словно человеком из другого мира. Скажите, действительно пребывание в Америке меняет до такой степени систему ценностей?

— Безусловно, поездка в Америку многим может помочь в этом. Там нет того общего трепета перед швейцарцами, шоферами и всем остальным, начиная от миллионеров и заканчивая разнообразными комитетами, который в нас вложен с детства. Но, естественно, многим людям совсем не обязательно ездить туда, чтобы сохранный то, что они и так имеют здесь и ценят высоко, — чувство собственного достоинства, человеческого достоинства.

— Альбом «Radio Silence», вышедший в Америке, уже представлен в Москве. Основная его часть написана вами на английском. Как вы считаете, удалось ли вам реализоваться как двуязычному поэту в этой работе?

— По-моему, пока еще нет — двух недель, чтобы «реализоваться», обычно не хватает. У меня действительно по условиям контракта было очень мало времени.

С другой стороны, понимаете, поэзия самодостаточна; в песне же есть музыка и многое другое, что составляет собственно понятие песни. Это не значит, что песни или стихи писать легче, в каждом конкретном случае одно отчасти легче другого, но лишь отчасти. По крайней мере единственное, что надо понимать, — то, что это вещи разные.

Песни писать мне по-английски интересно, на английском языке выражается нечто, что было бы сложно или, может быть, даже невозможно выразить на русском. Это происходит просто в силу другого строения языка и другого понятия об эмоциях, чувствах, интуиции.

Все очень просто: когда я там — я пишу на английском, поскольку для меня писать там по-русски почти невозможно. Так же, как здесь для меня почти невозможно писать по-английски. Я — как приемник: что вокруг происходит, то и воспринимаю, трансформирую это по-своему.

— На «Radio Silence» есть две русские песни: ваша «Молодые львы» и «Китай». А. Вертинского на стихи Н. Гумилева. Вы любите Вертинского?

— Во-первых, Вертинского все-таки всерьез нельзя назвать поэтом. Мнение о том, что он — мой кумир как автор-исполнитель, абсолютно неверно. Вертинский — очень частное явление, я с большим уважением отношусь к тому, что он делал, но признать какое-либо его влияние на себя не могу. Когда-то это было мне интересно, экзотично, но не более. А Гумилева я люблю, но ведь я много еще кого люблю: всех хороших поэтов.

— Абсолютно всех? Любить поэзию — не значит любить всех хороших поэтов подряд.

— Хороших — да.

— Ваши музыкальные пристрастия столь же обширны?

— На меня так или иначе влияет все, то есть мне интересно все.

Я ничего не слушаю для себя, и одновременно слушаю для себя все. Это нетрудно: на восприятие музыки силы не тратятся, они восстанавливаются.

— Есть, на мой взгляд, музыка, которая опустошает.